

Как лидер казахов остановил строительство железной дороги Омск-Ташкент

По одному из планов Российской империи, Туркестано-Сибирская магистраль должна была соединить Омск с Ташкентом, или Сибирь с Туркестаном. Но этот план был отвергнут одним казахским ученым, действительным членом Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества (ЗСОИРГО) Алиханом Букейханом. Это был первый реальный успех казахского ученого в борьбе против колониально-переселенческой политики русской империи. Этот ученый вскоре стал признанным лидером национально-освободительного движения «Алаш». Больше 30 лет спустя Турсиб прошел по другому маршруту.

«Весь период Независимости мы не прекращали, а наращивали железнодорожное строительство».

Нурсултан Назарбаев.

Сегодня мало кто знает, что строительство некогда знаменитой Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали (Турксиб), построенной в 1926-1931 годах для соединения Средней Азии с Сибирью, планировалось еще при царской России в середине 1880-х годов. Важно подчеркнуть, что подобная идея стала возникать после объявления в 1868 году всех исконно казахских территорий «собственностью русской казны». Напомню, что казахский национальный лидер Алихан Букейхан этот акт русской империи оценил как аннексию, лично изучив, причем в подлинниках, соглашения между двумя государствами о принятии казахами подданства. По его убеждению, этим актом Россия односторонне и вопиюще нарушила условия добровольного принятия казахами русского подданства, а также нарушила свои обязательства по двусторонним соглашениям. Кроме того территорий некогда вассального, протекторатного казахского государства стали собственностью русской казны вслед за отменой крепостного права. Согласно переписи населения 1857-1859 годов, в крепостном рабстве находилось более 23 миллионов русских крестьян из всего 62,5 миллионов населения Российской империи.

Но здесь может возникнуть вопрос: какая связь между аннексией казахских земель, освобождением крестьян от рабства, с одной стороны, и идеей строительства железной дороги в Туркестан - с другой? Вопрос, безусловно, закономерный, но существует и очевидный ответ - имелась прямая причинно-следственная связь, в чем убедимся ниже.

Один из проектов, как Омск-Ташкент, как наиболее удобный и потому самый вероятный, возник сразу после введения в 1894 году участка Западно-Сибирской железной дороги - Курган-Омск. По инициативе князя Николая Игнатьева, президента Общества для содействия русской промышленности и торговли, идея строительства магистрали сперва обсуждалась в Петербурге в декабре 1895 года, где, по утверждению ее автора, некоего ученого К.Н. Михайлова, она нашла всеобщее одобрение. Затем, по личной просьбе председателя ЗСОИРГО генерала Георгия Катанаева, 30 января 1896 года все тот же К.Н. Михайлов выступил с докладом уже перед собранием членов ЗСОИРГО в Омске. Судя по публикации протокола этого заседания ЗСОИРГО в периодической печати, строительству магистрали Омск-Ташкент придавалось стратегическое значение. Подчеркну, что публикация в прессе протоколов заседаний ЗСОИРГО никогда до этого случая не практиковалась. Отчеты о деятельности отдела регулярно печатались в «известиях» и «записках» ЗСОИРГО, редко - отдельной брошюрой [фото №1]. Но в этот раз традиция была нарушена – протокол собрания от 30 января 1896 года был опубликован сразу в трех февральских номерах омской провинциальной газеты «Степной край» под заголовком «Заседание членов Западно-Сибирского отдела географического общества», которые были обнаружены в ходе научной экспедиции в Омск.

Фото №1

Выступая с докладом в ЗСОИРГО сам К.Н. Михайлов признал, что «вопрос о проведении железной дороги в Туркестан – не новый; был даже проект о проведении дороги из Москвы на Екатеринбург, Тобольск, Омск, Семипалатинск и далее, обогнув с юга озера Балхаш, в Индию». Но «с проведением Закаспийской, а затем Сибирской железной дороги», подобный проект потерял значение. По его словам, вскоре появились еще три не менее заманчивых проекта. Первый из них предполагал протянуть стальные рельсы из Челябинска через Тургайскую область протяженностью в 1720 верст; второй путь – «из Петропавловска на Кокчетав, Атбасар, через Голодную степь, на Чимкент и Ташкент», с дальностью в 1475 верст; и, наконец, третий – «из Омска прямо на юг, через урочище Кучеку [в ориг. Куу-чеку - Кушоқы] в Каркаралинском уезда (тогда еще Семипалатинская область), по западной стороне озера Балхаш и далее на Ташкент».

«Третий путь – из Омска, - заявил К.Н. Михайлов, - является наиболее удобным из всех трех: он захватит с собой все три области (Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую) и окажет на них громадное влияние, причем, пройдет по тем местностям, которые заключают громадные горные богатства. Кроме того, путь этот пройдет по ровной открытой местности, богатой водой и вполне пригодной для заселения (!) и, наконец, будет соединен с судоходным Иртышем в крупном торговом центре городе Омске».

Далее докладчик вкратце остановился на общей характеристике казахских степных областей. По его словам, к югу от участка Западно-Сибирской железной дороги, на расстоянии между Челябинском и Омском, лежат громадные степные пространства Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, заключающие в себе 1.274.000 квадратных верст.

Хотя весь этот край и представлял из себя безлесные, но еще девственные степные пространства с разбросанными везде солонцами и неудобной для земледелия почвой, но он, по словам К.Н. Михайлова, в тоже время заключал в себе «громадные естественные богатства». В продолжении доклада он местность около озера Иссык-куля сравнил даже

со Швейцарией. Население всех этих областей, по сведению докладчика, в тот момент состояло из казахов, казаков, дунган и горожан (?), причем оседлого населения насчитывалось «всего только 456 тысяч душ» (казаки, дунгане, горожане и т.д.), тогда как только кочующие казахи составляли «1.415.00 душ», но не считая казахов-горожан.

Торговлю в казахских степных областях К.Н. Михайлов охарактеризовал как «примитивную» и разделил ее «на городскую, степную и внешнюю». В целом степная торговля, по убеждению докладчика, сводится лишь «к меновой торговле и ведется в основном татарами и частью казаками, опутывающими все население ростовщической сетью», а внешняя торговля ограничивалась торговыми сношениями с Западным Китаем.

Промышленность в казахском крае, по утверждению докладчика, «очень бедная»: во всех трех областях имелось всего только 938 фабрик и заводов с производствами в 2 миллиона рублей, из которых 500.000 рублей приходилось на долю... винокурных заводов (!).

Не было откровением для членов ЗСОИРГО и заявление К.Н. Михайлова о том, что главным занятием коренного населения, казахов, является скотоводство. Все количество крупного и мелкого скота в названных трех областях исчислялось в 10.000.000 голов, что составляет, по словам г-на Михайлова, около 30 голов на каждую юрту, которую, правда, он назвал унижительно - «кибиткой». Далее докладчик выступил и в роли знатока скотоводства. По его мнению, «правильному развитию скотоводства препятствуют существующие у казахов формы землепользования, основанные на родовом захвате (?): «некоторые роды владеют громадными пространствами, тогда как другие являются малоземельными и вынуждены арендовать землю у казаков». Но почему же коренной народ Степного и Туркестанского краев вынужден арендовать земли у пришлых казаков, он не стал уточнять.

Особого внимания в степных областях заслуживают, по мнению Михайлова, горные богатства. Он утверждал, что еще в XVII столетии здесь были попытки отыскания драгоценных камней. Правда, кем были эти «попытки» предприняты, он снова не уточнил. Зато уверенно продолжил: «серебряные же, медные, свинцовые и железные руды здесь имеются в громадном количестве». Он также указал на препятствия, стоящие на пути развития горного дела и вообще на развитии Казахского края. Это отсутствие удобных путей сообщения, прежде всего железнодорожного, а также другие «неблагоприятные условия». Этими загадочными «неблагоприятными условиями» оказалось, прежде всего, необходимость урегулирования казахского землепользования или, проще говоря, большего изъятия из пользования коренного народа «излишков» земель, а также «озаботиться» улучшением казахского скотоводства, путем улучшения пород этого скота, и разведением тонкорунных овец.

Но из дальнейшего выступления К.Н. Михайлова прояснилась скрытая, но главная, стратегическая цель идеи строительства магистрали Омск-Ташкент. «С проведением здесь железной дороги, - заявил он без обиняков, - не только горное дело получило бы быстрое развитие, но и колонизация края (!) быстро двинулась бы вперед». Ну а «с колонизацией этой области переселенцами», надо полагать, теми же бывшими крепостными, но безземельными крестьянами - «там еще более должно развиваться земледелие». Важно добавить, что за всеми этими «благодетельными» и не очень намерениями скрывались куда более далекоидущая политико-экономическая цель, как усиление военно-колониального присутствия России в пограничном с Китаем регионе, а также существенное упрощение вывоза хлопка из Туркестана в Сибирь и т.д.

Ну а в заключение Михайлов попросил собрание обратить внимание на указанные им направления предполагаемой железной дороги и высказать свое компетентное мнение, главным образом, относительно топографических и других природных условий.

В прениях первым слово взял действительный член (д.ч.) ЗСОИРГО Ю.А. Шмидт, по мнению которого, развитие паромства по озеру Балхаш и реке Или, предложенное докладчиком, представляется весьма проблематичным. «Озеро Балхаш занимает

громадную площадь простираясь с востока на запад, причем восточным концом упирается в безводные пески, заполняющие все пространства до Ала-Куля, а западный конец упирается в безводную пустыню Голодной степи (Бетпакдала); с севера ее окружают продолжение Голодной степи, необитаемые даже казахами за отсутствием кормов, а с юга на сотню верст тянутся Мойынкумы (в ориг. Моюн-Кумы) с непроходимыми барханами и сыпучими песками», - обосновал свое видение Ю.А. Шмидт. Идею докладчика о развитии пароходства по реке Или, он назвал «предприятием и того более проблематичным».

В заключение он добавил: «Опыты с Балхашем и рекой Или были произведены во времена генерала Колпаковского и дали отрицательный результат, опыты эти пытался повторить и один из купцов в г. Джаркенте, но и его мелкоходный пароход лежит на берегу».

Другой д.ч. ЗСОИРГО Шаровский, по поводу утверждения докладчика о необходимости улучшения казахского скотоводства и разведения тонкорунных овец, заметил следующее: «Бывший наш сочлен г-н Вернер в своем докладе, который был прочитан им здесь же, в Отделе (ЗСОИРГО), показал, что все бывшие предположения относительно облагодетельствования края (казахского) разведением в степи тонкорунных овец, или улучшением казахского скотоводства, указывают лишь на полное незанятие с делом, что казахская овца самой природой приспособлена к существующим суровым климатическим и другим природным условиям и что при скудном подножном корме и 40°С морозах, тонкорунное овцеводство невозможно».

Далее в прение по докладу вступил Алихан Букейхан, в тот момент еще неизвестный молодой ученый-лесовод и юрист, буквально чуть более года тому назад окончивший петербургский лесной институт и экстерном – юридический факультет столичного университета. Он вернулся в Омск в сентябре 1895 года в качестве «помощника лесничего Омского лесничества Акмолинской области и преподавателя математики в местную низшую лесную школу», предназначенную для казахских детей, параллельно тесно сотрудничая с местной газетой «Степной край». Замечу, что в январе 1896 года А.Н. Букейхан еще не являлся действительным членом ЗСОИРГО: им он станет лишь во второй половине того же года, а с 1901 года – членом Распорядительного комитета, руководящего органа географического общества [фото №№2, 3].

Сперва важно заметить, что над вопросом об улучшении казахского скотоводства Алихан Букейхан «озаботился» задолго до К.Н. Михайлова, еще будучи учащимся 4-го курса Омского технического училища в 1889 году, когда ему было 23 года. В его статье «О земледелии в Токраунской, Котан-Булакской и Западно-Балхашской волостях Каркаралинского уезда», опубликованной в газете «Особые прибавления к «Акмолинским областным ведомостям» (№42, 20.10.1889 г. Омск), мы найдем такие строки: «Ни один казах до сих пор не думал об искусственном улучшении своего скота; испокон веков, что казах наследовал от отца, то переходило к сыну».

Фото №3: Члены ЗСОИРГО в день празднования 25-летнего юбилея отдела: 1-м ряду сидят члены Распорядительного комитета: С.Н. Велецкий, А.Н. Седельников (руководитель дел), М.М. Сиязов, А.Н. Букейхан, Ф.И. Шидловский (председатель отдела), Ю.А. Шмидт (бывший председатель), А.И. Чудовский, П.Б. Яшеров, Л.А. Турау, П.И. Вартминский; 2-й ряд: А.И. Текреев, В.Я. Нуднер (заведующий типографией окружного штаба) - новый член, П.Н. Квитка, И.П. Мельников, Е.П. Добровольский, Г.П. Дроздов, П.Г. Богданов, А.А. Александров, К.П. Линда, П.Д. Подшивалов, Н.Т. Вознесенский, П.И. Медведев, перед ним – И.М. Розонеф, далее – Н.Е. Збруев, М.Г. Чириков. Омск, 27 октября 1902 г.

Чуть позднее, в 1904 и 1905 годах, он уже издал две научные монографии под заголовками «Овцеводство в Степном крае» и «Скотоводство» (крупный рогатый скот), посвященные как раз теме о породах казахских овец и овцеводству, и о породах казахского крупного рогатого скота. Добавлю, что эти монографии до сих пор не потеряли своей научной ценности и актуальности, особенно в эпоху независимости.

Свое же выступление на собрании ЗСОИРГО от 30 января 1896 года А.Н. Букейхан начал издаека, заметив, что «путь Омск-Ташкент пройдет через озеро Ченгельды [в ориг. Джингельды - Шеңгелді], Экибастуз, Кучеку и близ западного берега озера Балхаш».

Но докладчик К.Н. Михайлов, прервав его, задал встречный вопрос: «Прошу показать, о каком Ченгельды вы говорите, их много?»

А.Н. Букейхан, подойдя к карте, указал на озеро Ченгельды. Докладчик снова перебил его и, обращаясь к собранию, заявил: «Это неверно».

Букейхан уверенно продолжил: «Это то самое озеро, которое от Джамантузского пикета находится в 40 верстах на запад и которое, по заявке Дерова [русский купец, арендатор рудника в Павлодарском уезде], было осмотрено павлодарским лесничим Руковишниковым».

Но Михайлов вновь возразил, но уже не так категорично, даже как-то обреченно: «Но через озеро Ченгельды дорога Омск-Кучеку-Ташкент не пройдет: оно остается в стороне».

В ответ Букейхан привел свои аргументы, которые были направлены прежде всего против «развития» родного края, его земледелия, промышленности, торговли и т.д. путем... переселенческой колонизации.

Замечу, что в статье «Будущая пустыня», опубликованной в 1908 году в Санкт-Петербургском журнале «Сибирские вопросы», Алихан Букейхан написал: «Казахская степь в настоящее время является настоящей панацеей и Эльдorado для наших аграриев, тонкорунных овцеводов, безземельных крестьян, для разных хищников из крестьян-кулаков, норовящих снять пенки со свежих земель, и наконец для коннозаводчиков с Дона».

Три года спустя, в 1911 году, в другой заметке, опубликованной также в столичной газете «В мире мусульманства» под псевдонимом Киргиз-Кайсак, А. Н. Букейхан открыто выразил свое отношение к переселенческой колонизации своего края: «По поводу заселения казахской степи переселенцами многие придерживаются того мнения, будто заселение степи переселенцами принесло казахам неисчислимы выгоды: они стали во много раз зажиточнее там, где появились переселенцы, которые своим примером подают им практические уроки более культурной жизни.

К горькому сожалению, обнищавший русский крестьянин не может ни в правовом, ни в экономическом отношении быть примером для казаха.

Везде и всюду, где бы ни появлялись переселенцы, они приносят с собой только вандализм и беззаконие. Узнав мирный характер казахов, переселенцы стараются использовать это обстоятельство и изыскивают всевозможные средства для наживы за их счет. Под предлогом потравы они чуть не ежедневно задерживают массу скота у казахов и требуют неимоверно высокую плату за возвращение его хозяину. За баранов берут по 1 рублю, за верблюдов – до 15 рублей, и это за то лишь, что скот перешел грань.

К этому следует добавить, что, если у крестьян теряется скот, они сейчас же, собрав однообщественников едут в соседний аул, избивать всех попавшихся, даже стариков, женщин и детей, требуя найти им скот, угрожая в противном случае связать и увести несколько человек из аула и представить их как воров.

Подобных явлений масса, и на этой почве происходят даже убийства: убитыми же оказываются, обыкновенно, казахи...

Такова невидимая для высших сфер деятельность переселенцев! Каким же образом от подобных элементов можно ожидать благих результатов?».

Пока же, в своей речи на собрании в ЗСОИРГО, Алихан Букейхан впервые проявил себя не только как исключительный знаток природных, климатических особенностей родной земли, но и свои глубокие знания о ее флоре и фауне. Опережая события отмечу, что четверть века спустя, в своем заключительном слове на I казахстанской партконференции РКП (б) 13 июня 1921 года в Оренбурге, один из первых советских руководителей Казахстана В.А. Радус-Зенкович заявил следующее: «Что касается старого Букейхана (в ориг. Букейханова) - он лучший знаток края. Его необходимо уметь использовать... Он настоящий энциклопедист по части казахского быта, истории края вообще. Никакие книги не могут его заменить. Побольше бы нам таких работников» (Движение Алаш. Сборник документов и материалов. - Алматы: «Ел-шежіре», 2007 г., том 3, стр. 95). В энциклопедических знаниях А.Н. Букейхана еще в ранний период можно убедиться, процитировав хотя бы несколько фрагментов из его речи на рассматриваемом собрании ЗСОИРГО от 30 января 1896 года, зафиксированные в протоколе и опубликованные в «Степном крае»: «Насколько мне известно, обилие пресных вод и еще большее обилие удобных земель для земледельческой культуры на намеченном пути – плод фантазии. Эки-бас-Туз, т. е. две верхние соли, озеро Ченгельды, т.е. богатое ченгелями – колючими травами, полукустарниками, известными в степи под общим названием ченгель, характеризующими солончаковые берега степных соленых озер и,

наконец, разные речки Курузен [Күрөзөн], т.е. сухая река, Ащысу – т.е. горькая вода, находящиеся на этом пути, говорят сами за себя.

Мне известен западный берег озера Балхаша. В июне, июле, августе единственными обитателями этого берега и соседних степей являются змеи, ящерицы и другие пресмыкающиеся, которые, как известно, неособенно требовательны к воде, и эти истинные жители пустыни, в поисках за соленой водой, собираются в таком количестве, что поднимают столбы пыли в пустынной, сухой степи. Вот как проявляется жизнь в возносимой господином докладчиком прибрежной к Балхашу степи!

К области фантазии относится также будущее пароходство по озеру Балхаш. Летом не только к Балхашу, но и к ближайшим степям, находящимся на западе и северо-западе от озера, нельзя подступиться: там нет пресной воды и растительность отсутствует. Зимой казахи переезжают по замерзшему Балхашу в Семиречье. Может быть, господин докладчик думает, что дорога изменит климат?»

Видимо эти аргументы А.Н. Букейхана были убедительны и неоспоримы, что К.Н. Михайлов обезоруженно признался: «Я с вами совершенно согласен. Я там не был, пользовался книгами».

Однако речь некоего Королева, еще одного д.ч. ЗСОИРГО, продемонстрировала, что К.Н. Михайлов не единственный из коллег А.Н. Букейхана по географическому обществу, кто озабочен переселенческой колонизацией его родного края. В унисон Михайлову Королев заявил: «В местности между станицей Баянаулом (в ориг. Баян-Аул) и верховьями рек Ишима и Нуры имеются места, очень удобные для оседлых поселений. Минувшим летом мной намечено было там несколько переселенческих участков» (!).

После небольшого оживленного разговора, А.Н. Букейхан снова вступил в прение. В этот раз он блеснул великолепным знанием основ экономического материализма Карла Маркса: - Господин докладчик справедливо думает, что проведение железной дороги влечет за собой развитие промышленности. Это – аксиома. Но утверждение докладчика на этом основании, что развитие промышленности поднимет благосостояние местного населения (казахов. Прим. автора), отзывается археологией. Было такое время, когда люди, более искренние, думали так, но оно прошло. Жизнь отрезвила. Долго ли отыскать периоды из экономической истории народов, когда с оживлением промышленности параллельно шло обнищание народной массы? Нужно народ оставить в покое, он тут ни причем!

Ну, это теория Маркса, - поспешил ответить ему Михайлов, показав свое немалое знакомство с трудами Маркса, но его возражение прозвучало не очень уверенно: - Но это еще гадательно: разные теории бывают.

Далее полемика между ними продолжалась не долго, но была не менее любопытной и снова закончилась явно не в пользу докладчика.

Букейхан: - Однако, что же г-н докладчик намерен возить по своей дороге, когда на 1 квадратную версту приходится 1 ½ человека?

Михайлов: - Мне возросли в Петербурге тоже. А канадские дороги?!

Букейхан: - Канадские дороги! Они строились частными предпринимателями на собственный риск! Мы знаем только о счастливых дорогах, когда расчеты предпринимателей были верны. А сколько их лопаются по ошибке в расчетах?

Но в протоколе собрания ЗСОИРГО от 30.01.1896 года, и в газетном варианте, и в оригинале, находящемся в деле ЗСОИРГО в Государственном историческом архиве Омской области, реакция или ответ докладчика К.Н. Михайлова на эту реплику А.Н. Букейхана отсутствует.

Между тем очередной член ЗСОИРГО Остафьев относительно переселенческой колонизации поддержал докладчика, а в другом – Алихана Букейхана. В своей речи он заявил, что преимущество направления Омск-Ташкент заключается в том, что места здесь вполне пригодны для заселения: «Петропавловский, Кокчетавский и Атбасарский уезды очень охотно заселяются переселенцами и в настоящее время там образовалось уже много

поселков по бассейну реки Ишима. Местности к югу от Атбасара вовсе не безводные, имеют прекрасную почву. В этом направлении железная дорога пересекла бы Голодную степь в самом узком месте».

В тоже время Остафьев отверг категоричное утверждение Михайлова о «благодетельном влиянии» железной дороги, поддержав тем самым Букейхана. Благодетельное влияние дороги было бы понятным, - отметил он, - если бы она увеличила единственный источник казахского благосостояния – скотоводство. Далее он констатировал печальный факт, что за последнее время скотоводство казахское пало, а увеличение ярмарочных оборотов сводятся к обеднению казахов. Остафьев также дополнил Алихана Букейхана тем фактом, что железная дорога сама по себе не создает богатств края, при отсутствии естественных богатств, а является лишь могущественным двигателем в их распределении. В странах малокультурных, с бедной промышленностью, производящих одно сырье, железная дорога служит к обогащению отдельных лиц и капиталистов и ведет к быстрому обеднению населения, - почти процитировал он автора «Капитала».

Под напором всех этих контраргументов К.Н. Михайлов невольно согласился, что «проектируемая им дорога не принесет благоденствия краю» и прямо заявил, что «дорога эта будет служить мостом, который соединит Сибирскую дорогу с Туркестаном и необходим для обмена продуктов между Сибирью с одной стороны и Туркестаном – с другой».

Здесь в прение снова вступил д.ч. Шаровский, который, задав пару уточняющих вопросов, поставил докладчика в удручающее положение: - Какое же количество урюку пойдет в Сибирь по вашей дороге?

Михайлов: - Теперь идет его, я полагаю, миллионов 7-м, но потом повезут его, конечно, больше.

Шаровский: - А какое же количество хлеба повезут из Сибири в Туркестан?

Михайлов: - Конечно, теперь сказать это очень трудно (!).

Все же последний гвоздь в гроб проекта Омск-Ташкент забил все тот же Алихан Букейхан, который от имени всего ЗСОИРГО чуть ли не торжественно заключил: «Мы сейчас слышали от докладчика основательную критику путей: Челябинск-Ташкент и Петропавловск-Ташкент. Теперь из прений выяснилось, что путь Омск–Ташкент, как сам докладчик не раз согласился с оппонентами, так же бесполезен!».

По завершении собрания ЗСОИРГО, казалось бы, вопрос о строительстве магистрали Омск-Ташкент с повестки дня снят раз и навсегда. Однако спустя 3 месяца, в двух апрельских номерах томской газеты «Сибирский вестник» (№№ 88, 89, 1896 г. Томск.) появляется «Корреспонденция из Каркаралы» без подписи автора. Странно, что свою «корреспонденцию» автор разместил в восточно-сибирской томской газете, а не в омском «Степном крае», и выступил от имени всех каркаралинцев: «мы, захолустные каркаралинцы!» Материал явно заказной. Хотя не исключено, что за таинственным автором мог скрываться и сам докладчик К.Н. Михайлов. Автор выступил в защиту проекта Омск-Ташкент и, самое главное, набросился прежде всего на А.Н. Букейхана, обвиняя его в следующем: «Начнем с Букейхана (в ориг. «Букейханов»), если не ошибаюсь, уроженца Токраунской волости Каркаралинского уезда, сведения и указания которого, как аборигена данного места, должны были иметь крупный авторитет. Но г-н Букейхан чуть ли не юношей оставил степь и много времени посвятил на свое образование, в силу чего, верно, многое забыл и упустил из виду, а пользуясь чужими указаниями, сделал много ошибок».

Далее в защиту строительства магистрали Омск-Ташкент, автор корреспонденции заявил, что «река Токрау имеет богатые хлебородные берега, где казахи с успехом занимаются земледелием, что Токраунская пшеница ценится выше других, а бассейн реки Токрау мог бы служить житницей Каркаралинского уезда». Его фантазия оказалась намного ярче и побогаче, чем у автора проекта. И свою статью он завершает следующими

словами: «Мы твердо уверены, что проект г-на Михайлова вполне целесообразен и заслуживает одобрения».

В своей ответной статье «Письмо в редакцию», опубликованной в майском номере омского «Степного края» за 1896 год, А.Н. Букейхан, с присущим ему тонким юмором и острым сарказмом, адресованным и автору проекта, и корреспонденции, отметил: «Трудно было меня удивить неожиданными доказательствами о необходимости дороги после импровизаций в виде слухов, «валяющегося» на берегу пароходства, Эльдорадо по Северо-Западному берегу Балхаша, 1 ½ человека на 1 квадратную версту, Канадских дорог – без пассажиров и субсидируемых правительством, 7 миллионов пудов кышмышу, тонкорунных овец и т.д...».

Не обошел он своим вниманием и обвинение таинственного автора «Корреспонденции из Каркаралов» в незнании родного края. При этом он дал четко понять, что не признает Казахский край Россией или частью русской империи: «Во все время своего учения в Каркаларах и в Омске, каждое лето я ездил в степь; 4 года (1890-1894) пробыл в России (в Лесном институте в С.-Петербурге!), а в 1895 году летом три месяца прожил на родине и поездил-таки по степи, по реке Токрау, «бассейн которой, по мнению г-на корреспондента, мог бы (?) служить житницей Каркаралинского уезда». Грешной я человек, никак не мог усмотреть эту житницу, а родился и рос в ней!».

В продолжении своей статьи Алихан Букейхан, перечислив уже другие неоспоримые факты против строительства железной дороги Омск-Ташкент, разнес в пух и прах не только К.Н. Михайлова, но и защитника его проекта в лице таинственного автора корреспонденции из Каркаралы. И полемика вокруг данного проекта на страницах периодической печати на этом закончилась. И уже действительно навсегда.

В то же время справедливости ради нужно заметить, что магистраль Турксиб все же была построена. Правда под другим названием, по другому маршруту и, самое главное, с опозданием на 30 с лишним лет, какую цель ставил перед собой А.Н. Букейхан. Участок Туркестано-Сибирской магистрали между Ново-Николаевском (ныне Новосибирск) и Семипалатинском была сдана во временную эксплуатацию в октябре 1915 года, а в постоянную - в 1917 году. Одновременно на юге строилась Семиреченская железная дорога от станции Арысь до Алматы. Последний участок магистрали под громким названием Турксиб, протяженностью в 1442 километра, был построен лишь в 1926-1931 годах, при Советской власти, явившись одной из самых знаменитых строек первой пятилетки в СССР. Стоит ли напоминать, что Советская власть довела до логического конца все колониальные задумки самодержавного режима, причем в кратчайшие сроки, не церемонясь ни с правами, ни с интересами коренного народа Казахстана на свои исконные земли!

Здесь пытливый читатель может задаться вопросом: что же дало приостановление строительства Турксиба казахскому национальному лидеру и казахскому народу в целом, если магистраль все же была проложена? Ответ очевиден: ему удалось, не побоюсь этого слова – изменить, приостановить ход истории, истории переселенческой колонизации и заселения русскими крестьянами-переселенцами центра, востока и юга родной страны, разделенной в тот момент на Степной и Туркестанский края. Приостановив строительство Турксиба сперва до Февральской революции, затем и до большевистско-октябрьского путча 1917 года, он притормозил уже запланированную мощную волну переселенческой колонизации не только центра, востока и юга современного Казахстана, но всего Центральноазиатского региона. В ином случае, при размежевании границ РСФСР и Казахской АССР в начале 1920-х годов, этим регионам Казахстана явно грозила участь Астраханской губернии, Оренбургской, Омской областей, части Алтайской губернии, где с испокон веков компактно проживали казахи, а также многих других земель и территорий, но которые в итоге перешли под юрисдикцию РСФСР и других союзных республик СССР. Важно подчеркнуть, что при этом вожди Советской власти во главу угла ставили не принадлежность казахскому народу тех или иных территорий с исторической

точки зрения, а соотношение этнического состава населения на текущий момент, то есть элементарно воспользовались «плодами» той самой переселенческой колонизации царского режима. Каких «дивидендов» колониальной России принесла одна лишь Сибирская железная дорога, красноречиво свидетельствуют два исторических факта. Один из них касается истории заселения переселенцами Омского уезда Акмолинской области, ныне Омской области РФ, второй – Кустанайского и Актюбинского уездов Тургайской области, или Костанайской и Актюбинской областей независимого Казахстана.

В «Общем очерке Омского уезда» 11 тома «Материалов экспедиции Ф.А. Щербины», в 1896-1901 годах исследовавшей 3 области Степного края с непосредственным участием А.Н. Букейхана, беспристрастно констатируется следующее: «Из пяти уездов Акмолинской области Омский уезд по площади занимает последнее место: на его долю, по сведениям Акмолинского Областного Правления, приходится 41.048,9 квадратных верст, или 4.269,166 десятин, что составляет всего 8,5% территории области. По другим данным, принятым Экспедицией, площадь уезда несколько больше, а именно – 4.856,569 десятин. Из этого количества 937,405 десятин приходится на землю Сибирского казачьего войска и на так называемую 10-верстную полосу: 136,568 десятин находится под переселенческим и запасными участками: 302 десятины отчуждены под Сибирскую железную дорогу и 936 десятин составляют единственное владение казны. Таким образом, в пользовании казахов находится 3.709,458 десятин (!), за исключением водного пространства – 3.533,728 десятин».

Как видно из этой цитаты, в 1901 году почти 70% территорий Омского уезда, причем после усиленного заселения уезда казаками и крестьянами, были еще заняты казаками, исторически коренными жителями этих земель. В своем очерке «Казахи» (в ориг. «Киргизы»), изданном в 1910 году в С.-Петербурге в сборнике «Формы национального движения в современных государствах», А.Н. Букейхан из губернаторского отчета за 1905 год приводит сведение об этническом составе населения Омского уезда, согласно которым в 1905 году казахи составляли еще 214,696 человек или 69%, русских насчитывалось – 148,941 человек или 31% населения. Однако благодаря «земельным реформам» премьер-министра России Петра Столыпина в 1906-1911 годах, когда из Европейской России безземельных крестьян гоняли в северные регионы Казахского края «столыпинскими вагонами», точнее эшелонами, соотношение казахского и русского населения Омского уезда изменилось коренным образом – 44% против 56%. Нелишне напомнить, что 5-миллионный казахский народ был предварительно лишен возможности легально бороться за свои исконные земли с трибуны Государственной Думы новым избирательным законом от 3 июля 1907 года. Новый закон был принят с подачи П.А. Столыпина. И именно в годы осуществления его «земельных реформ», в Главном управлении землеустройства и земледелия (до 1906 г. министерство земледелия и государственных имуществ) и Государственной Думе III созыва, уже в отсутствие казахских депутатов, открыто звучали призывы на подобие: «Казахи – потомки орд Чингисхана и Тамерлана и что с ними нужно поэтому поступать так, как поступали с краснокожими в Америке» (!).

В 1908 году, в своей очередной статье «Будущая пустыня», посвященной итогам и последствиям колониальной политики России, А.Н. Букейхан описывает историю переселенческой колонизации уже другой области: «Лет 20 тому (1888 г. Прим. автора) назад огромная Тургайская область (418,000 кв[адратных]. вер[стов]. пространства) находилась всецелом в пользовании казахов, занимавшихся, главным образом, скотоводством и в северной части области, в виде подсобного промысла – хлебопашеством. В области было тогда всего пять маленьких городских поселений, созданных чисто искусственным путем, и на севере кое-где были разбросаны редкие «заимки» крестьян, арендовавших землю у казахов... В данное время (1908 г. Прим. автора.) в Кустанайском уезде количество русского и казахского населения сравнялось

уже; отрезано там и в огромном большинстве случаев заселено русскими и в отдельных случаях немцами свыше 100 участков. В Актюбинском уезде дело идет медленнее, но и там отведено и преимущественно заселено около 80 участков».

Здесь необходимо обратить внимание на очень важный факт, что Алихан Букейхан стал интересоваться вопросами переселенческой колонизации родного края сразу после окончания Санкт-Петербургского Лесного института (1894 г.). Об этом свидетельствует его прошение (заявление) от 2 мая 1895 года, адресованное Лесному департаменту Министерства земледелия и государственных имуществ, где дословно говорится: «Документы мои находятся в Департаменте Государственных Земельных Имуществ, куда были препровождены мною при прошении, посланном 28 февраля сего года (1895), в котором я просил о назначении меня на должность производителя работ в одну из переселенческих партий» [фото №4]. Но в переселенческое ведомство колониальной империи ему удалось попасть с нескольких попыток. Приказ о назначении «коллежского секретаря Букейханова производителем работ Омской временной партии по заготовлению переселенческих участков» был подписан лишь 3 августа 1904 года [фото №5]. Следовательно, в своих многочисленных сочинениях о хронике незаконной по сути колонизации Казахского края, опубликованных в основном в столичных периодических и научных изданиях под различными псевдонимами (V, Статистик, Наблюдатель, Старый Степняк, Киргиз-Кайсак и др.), казахский национальный лидер использовал сведения исключительно из первоисточников.

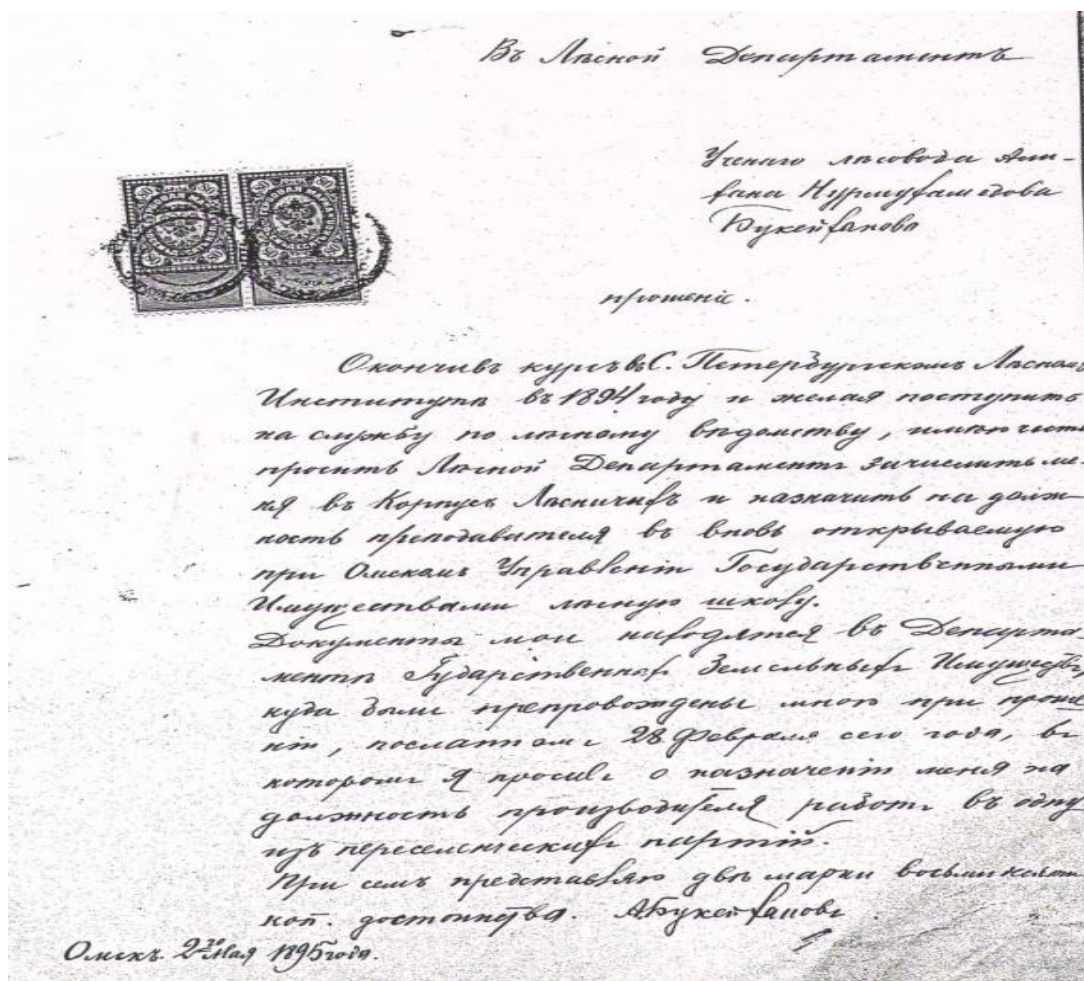

Фото №4. Прошение А.Н. Букейхана о назначении себя на должность преподавателя в низшую лесную школу

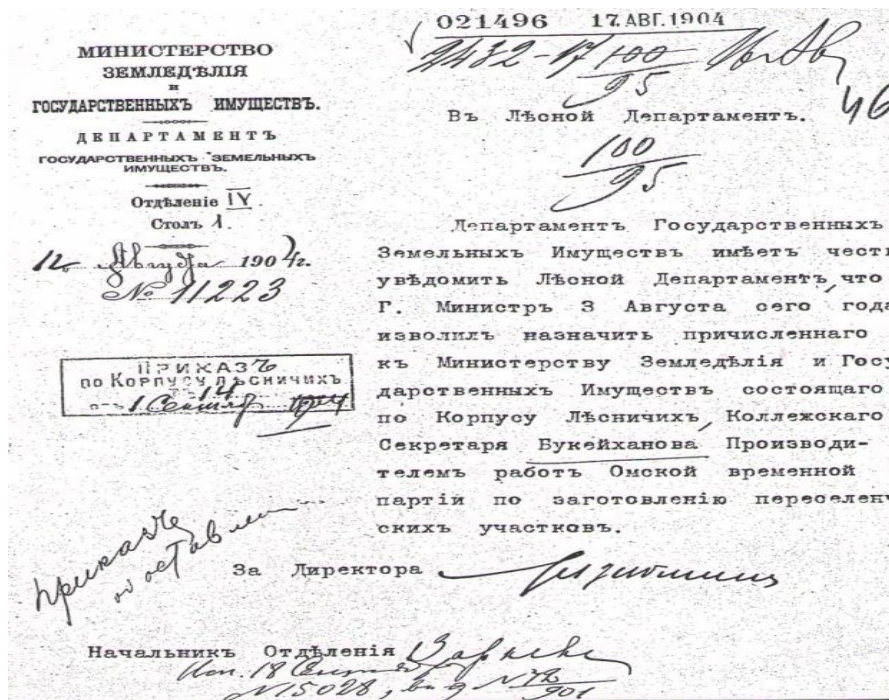

Фото №5. Уведомление о подписании министром земледелия и государственных имуществ приказа о назначении А.Н. Букейхана статистиком Омского переселенческого управления

Между тем, по данным А.Н. Букейхана, взятым из тех же официальных источников, казахи занимали территории 9 областей и 1 губернии. Это Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская, Закаспийская, Сыр-Дарьинская, Семиреченская, Ферганская, Самаркандская области и Астраханская губерния. В очерке «Казахи» он приводит конкретные сведения из тех же источников о доле коренного народа в этих областях: «Так, в Акмолинской области казахи составляют 52% (только в 3-х северных уездах ее они достигают всего 44%); к Акмолинской обл. примыкает в этом отношении Сыр-Дарьинская, где казахи образуют 69% или менее 2/3; в Уральской области казахи составляют несколько менее 3/4 (72,5%) населения, а в Семиреченской и Тургайской несколько более 3/4 (77,6% для первой и - 76,5% для второй). Особенно заметно преобладание казахов в Семипалатинской области, где численность их достигает почти 6/7 (86,2%). Во всех этих областях, взятых вместе, казахи достигают в среднем 69%, или более 2/3 всего населения. На всем пространстве от Сыр-Дарьи до Иртыша и от Тянь-Шаня до р. Урала казахи составляют большинство, превышающее 65% (!)».

Из другой статьи Алихана Букейхана, опубликованной в 1913 году в газете «Қазақ», следует, что он внимательно отслеживал каждый метр родной земли, изъятой в пользу переселенцев: «Территории этих 9 областей и 1 губернии составляют примерно 260 миллионов десятин. За последние 10-15 лет в Тургайской и Акмолинской областях из пользования казахов в пользу мужиков [крестьян-переселенцев] изъято очень много земли. До 1908 года земель, отобранных у казахов и переданных в пользование мужиков, составили чуть более 4 миллионов десятин. Согласно отчету 1913 года, земли казахов, изъятых в пользу мужиков, превышают 6 миллионов десятин...».

Несмотря на занятость этих земель переселенцами, лидер казахов не желал терять ни пяди родной земли. Об этом свидетельствуют следующие строки из его очередной заметки, опубликованной в той же газете «Қазақ» накануне провозглашения Автономии Алаш, осенью 1917 года. Ради сохранения лучших участков родной земли, Алихан Букейхан сознательно шел на воссоздание национального государства уже в полиэтническом и многоконфессиональном составе: «В Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской много мужиков [русские крестьяне-переселенцы]

соседствуют с нами: в этих областях мужик и казах смешались. Если оставить этих казахов и отделиться, чтобы жить обособленно, то эти казахи останутся среди русских; если пытаться их переселить, то они вряд ли покинут земли предков, а если покинут – будет глупо. Поскольку самые плодородные земли казахов там, где они живут в перемежку с мужиками. В случае объявления казахами своей автономии, есть надежда, что наши русские останутся с нами. Наша национальная автономия в силу обстоятельств станет не однородно братской автономией, а территориальной. Похоже, что наши русские в этом нас поддерживают».

После образования Национально-территориальной Автономии Алаш и своего избрания ее главой, Алихан Букейхан подписал постановление, согласно которому вышеперечисленные 9 областей, 1 губерния, а также «смежные казахские волости Алтайской губернии, представляющие сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизским, единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка», были признаны территорией государства Алаш, а территория Алаш – «со всеми богатствами, находящимися на поверхности земли, водами, их богатствами, а также недрами земли, составляют собственность Алаш» (!).

Любопытно, но факт, что в одной из докладных записок, составленной 26 июля (13 июля по старому стилю) 1918 года А.Н. Букейханом, ее автор между прочим указывает: «Автономия Алаш... занимает территорию, имеющую форму почти круга» (!). В этом нетрудно убедиться, посмотрев карту Казахстана 1925-1929 годов [фото №6]. В ней территория Казахстана действительно имела форму «почти круга». Но, правда, только до выделения из его юрисдикции сперва Оренбургской области вместе с административным центром, бывшей столицей Казахстана, городом Оренбургом, в 1925 году, а затем и Каракалпакской автономной области - в 1929 году. Еще раньше, в 1924 году, Ташкент был передан в юрисдикцию Узбекской ССР, образованной, по коварному замыслу советских вождей, на территориях Хорезмской, Бухарской ССР и части территории казахской Туркестанской АССР, и столица которой в 1930 году была перенесена из Самарканда в Ташкент. Напомню также, что Каракалпакская АО сперва перешла в состав РСФСР (?!), а в 1936 году присоединена к Узбекской ССР.

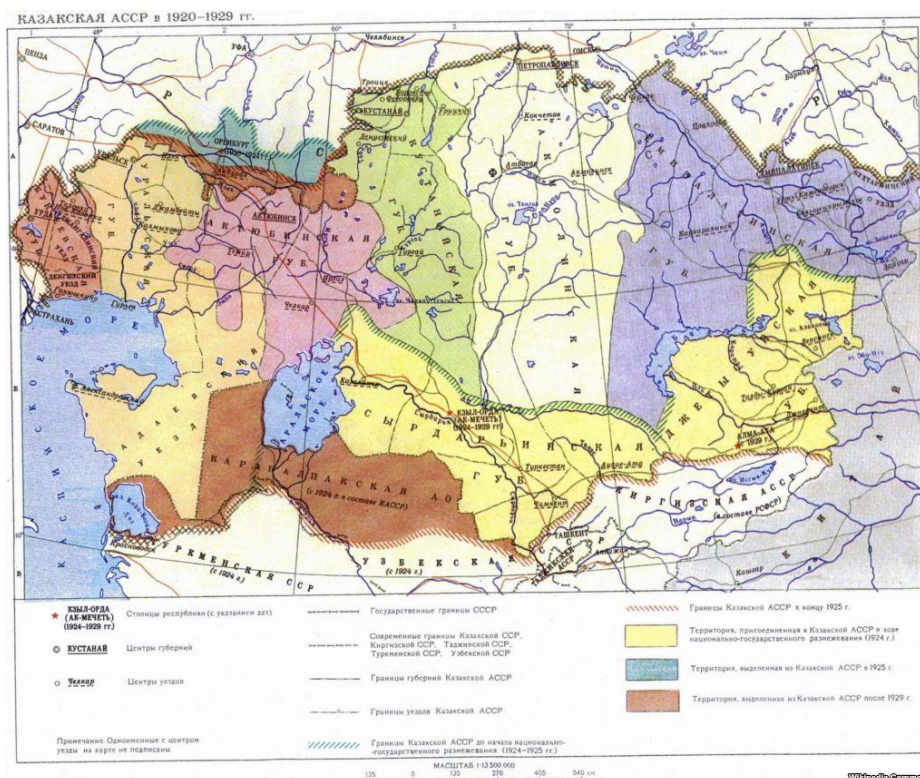

Фото №6. Карта Казахстана 1925-1929 годов

Однако подобные пересмотры границ Казахстана, конечно же, осуществлялись без участия, без учета мнения казахского национального лидера А.Н. Букейхана и его ближайших соратников по движению и Автономии Алаш. Алихан Букейхан предусмотрительно был изолирован в Москве еще в 1922 году, его близкие соратники в лице Ахмета Байтурсынулы и Алимхана Ермекулы (Ермеков) – заранее выведены из состава правительства КазАССР. Более значимые исторические события, в том числе поистине трагические, как строительство и ввод в эксплуатацию последнего участка Турксиба в 1926-1931 годах [фото №7], особенно последовавший за ним казахский «голодомор» 1932-1933 годов, не имеющий аналогов в истории человечества ни по масштабу, ни по жестокости и ни по цинизму, унесший жизни более 4 миллионов казахов (см. «Mangilik El», 92-95 стр., № 1(3) 02.2014 г.) из почти 8 миллионов, происходили также в отсутствие национальных лидеров. А.Н. Букейхан продолжал находиться в Москве без права посещения Казахстана, его более 40 соратников по правительству Алаш во главе с А.Байтурсынулы отбывали наказания в ГУЛАГах, кто в Соловках, кто в Астрахани, а кто-то уже был уже расстрелян, например, Жусипбек Аймауытулы (Аймаутов).

Фото №7. Строительство Турксиба

И в заключение можно констатировать, что казахский национальный лидер, мечтавший построить современное казахское демократическое парламентское государство западноевропейского уровня, о чем заявлял еще в 1910 году в своем очерке «Казахи» («Киргизы»), не был никогда противником строительства железной дороги как таковой. Сам некогда убежденный сторонник экономического материализма Маркса, выпускник экономического факультета Лесного института, А.Н. Букейхан как никто другой осознавал решающее значение, особенно в начале XX века, именно железных дорог как кровеносную артерию экономики. Он не безосновательно полагал, что всевозможные пути сообщений, в том числе и железнодорожные, должны развиваться и служить интересам и во благо прежде всего коренного населения. И это, пусть даже в короткое время, стало возможным лишь в результате образования казахами Автономии Алаш, точнее восстановления своей национальной государственности. Свидетельством тому служит одно из законодательных постановлений правительства Алаш от 24 (11) июня 1918 года за №7, подписанное Алиханом Букейханом и двумя членами правительства, где предусматривалось буквально следующее: «Разрешение на постройку железных дорог местного значения на территории автономии Алаш дается только Алаш-Ордой» [фото №8].

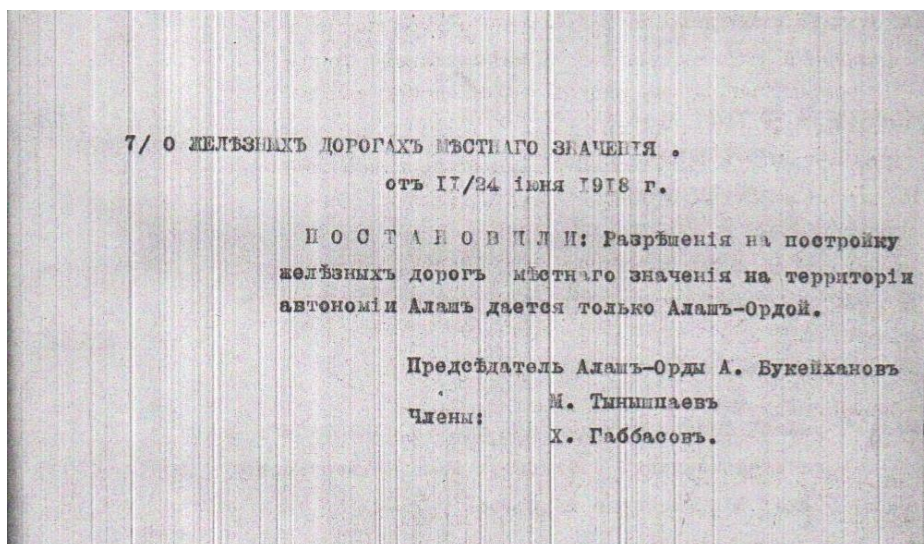

Фото №8. Законодательное постановление правительства Алаш-Орда от 24 (11) июля 1918 года за №7

Султан Хан Аккулы,
директор Общественного фонда «Алашорда»